Анализируя современный литературный процесс, большинство критиков, каждый на свой лад, «мусолят» шедевры (так и хочется это слово взять в кавычки) 25—30 литераторов, имена которых уже «набили оскомину».

В качестве весомых доказательств того, что современная русская литература переживает небывалый подъем, часто приводятся доводы, вызывающие, мягко говоря, недоумение.

Так, Марина Кравченко в статье «Современная российская литература: тенденции, проблемы, стили» пишет: «...современная российская литература существует и развивается». И далее: «И на это указывают многие признаки. Это и бурное развитие литературного премирования (сегодня в России существует более ста литературных премий). Это и достаточная активность российского книгоиздания. Это и проведение ежегодных литературных ярмарок. И, наконец, развитие литературного Интернета».

По логике М. Кравченко, если у нас будет не сто, а пятьсот литературных премий, если в пять раз возрастет активность российского книгоиздания и если литературные ярмарки будут проводиться не один, а пять раз в год, то и наша литература станет в пять раз лучше. Ну а если еще и раз в пять увеличить количество электронных литературных журналов, то читатели просто задохнутся от восторга, поглощая духовную пищу в виде прозы, поэзии и драматургии.

Иной читатель обвинит меня в ерничестве и посоветует обратить внимание на «громкие» имена писателей, о произведениях которых ведет речь М. Кравченко, пытаясь «кратко поразмышлять о некоторых тенденциях современной отечественной литературы». Сразу оговорюсь: читать заметки М. Кравченко достаточно интересно, есть над чем подумать. Но! Аргументы, подтверждающие успешное развитие современной русской литературы,— крайне неубедительны.

Как тут не вспомнить статью известного литературоведа Всеволода Сахарова «У нас была литературная критика». Рассуждая о современных «знаковых» писателях, автор пишет: «...а теперь вертятся вокруг новых хозяев жизни с тем же выражением «дай, дай...» От их цинизма немеет ум... Никакой подлинной литературы на этом пути не возникнет, будет лишь привычное чесание пяток новым господам в старой обкомовской сауне, усталый телевизионный театр, дешевые хохмочки дежурных остряков, в очередной раз ставших людьми свиты». И далее как вывод: «Прежде чем придет новая литература, нужно воспитать в умело взбаламученном, запуганном и ослепленном обществе новое, трезвое сознание, понимание происходящего, открыть людям, читателям глаза».

Есть сегодня у нас писатель Федор Михайлович Ошевнев, малая проза которого

«обжигает» души читателей свой беспощадной правдой, помогает открыть глаза и лучше понять происходящее в стране. Десятки рассказов этого автора опубликованы в бумажных и электронных литературных журналах, но, как ни странно, литературные критики не сказали о нем пока ни слова. Не жалуют его и «ведущие» литературные журналы. Впрочем, это не удивительно.

Иван Шипнигов в своей статье «Толстый и еще раз толстый. Литературный журнал сегодня», вдоволь поиздевавшись над бездарными публикациями в журналах «Новый мир», «Знамя» и им подобным, отмечает: «У них у всех может не быть ни таланта, ни ума, ни чутья, и это, поверьте, не страшно. Страшно же, когда у литератора нет вкуса, вкуса вообще... Хороший вкус помогает бездарному писателю выкинуть ужасное произведение. Хороший вкус помогает глухому редактору выбрать наименее пугающее произведение их тех ста, что ему прислали. Но вкуса ни у кого из них нет, и вот это очень страшно».

Но мы-то видим, как буржуазное государство вот уже четверть века активно и умело работает над всесторонней деградацией россиян,— в результате чего художественные вкусы основной части населения деформировались до «неузнаваемости». Исключением не стали ни читатели, ни «инженеры человеческих душ». И эти «инженеры» кто за поиском куска хлеба, а кто в погоне за мнимой славой стали «гнать брак». Не отстают от них и главные редакторы многих литературных журналов.

Примечателен в этой связи редакционный ответ Федору Ошевневу, предложившему одному из таких журналов рассказ для публикации.

Редактор Г. Петров пишет автору: «Федор Михайлович! Ваш «Билет на тот свет» заслуживает глубокого уважения. Написан добротным русским языком, есть в рассказе места хорошей, сочной прозы, все повествование держится на сквозном нерве личного, до болезненности напряженного, неутомимо дотошного стремления докопаться до самого первого слова правды. И вот ведь как бывает: дотошность непростого, нелегкого поиска оборачивается нелегкостью чтения вашего произведения. Той нелегкостью, которая требует особого, редкого — волевого читателя. И редактор, одолевший Ваш рассказ, оказывается в крайне неловкой ситуации: признавая все его достоинства — не может поместить его в своем издании, ориентированном на «увлекательную читабельность» достойных в художественном плане публикаций. Сожалею, что пришлось ответить Вам таким вот образом».

Иначе говоря, современным литературным журналам требуется «увлекательная читабельность», а новые Достоевские им не нужны. Журналы (за редким исключением) уже не формируют художественный вкус читателей и не воспитывают патриотов. Им нужно «вписаться в рыночные отношения». Вот и идут они на поводу у такого читателя, которого воспитало и сформировало «для своих нужд» буржуазное государство.

Многие повествования Федора Ошевнева перекликаются с произведениями классиков русской литературы. В рассказе «Штопор» явно просматриваются персонажи лермонтовского «Фаталиста». У М. Лермонтова они — офицеры, и Ф. Ошевнева — одеты в форму курсантов летного училища. Но действие и у «классика» и у «современника» начинается с жаркого спора, финалом которого становится пари. Тема в обоих случаях одна: предопределенность судьбы. Параллели сюжетных линий бросаются в глаза. Не буду даже кратко анализировать этот рассказ. Прочитайте его — и вы согласитесь с моей оценкой.

А вот другой рассказ Ф. Ошевнева — «Конверт без обратного адреса». Читается на одном дыхании, вызывает боль и за нашу армию в целом, и за человека-солдата; и отвращение к офицерам-человеконенавистникам, и бурю других чувств.

Такое читательское восприятие свидетельствует о мастерстве автора. СМИ периодически информируют нас о различных трагедиях солдат-срочников,— и это подтверждает, что рассказ «построен на фундаменте правды».

Что, впрочем, и не удивительно. Автор прослужил в армии почти двадцать лет. Приходилось ему не раз бывать в «горячих точках», где проявляются не только лучшие, но и худшие человеческие качества. Так что армейскую жизнь Ф. Ошевнев хорошо знает изнутри.

В повествовании живо «схвачены» характеры, сюжет «скроен» виртуозно. Читаешь и задыхаешься от «свинцовых мерзостей нашей жизни».

Да, тема «маленького человека» и «униженных и оскорбленных» еще жива в русской литературе.Вопрос о том, нужен ли нам новый Достоевский, будоражит многих. В Интернете можно прочитать разные мнения на сей счет,— и это естественно.

Неестественными выглядят высказывания некоторых государственных деятелей и руководителей образования. Например, Анатолий Чубайс, оценивая личность и творчество Ф. М. Достоевского, высказался весьма откровенно: «Я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывает у меня желание разорвать его на куски». Ну, тут все понятно — клиника.

Не понятно выступление другого оратора. Людмила Вербицкая, Глава Российской академии образования, однажды заявила буквально следующее:

«Я, например, абсолютно убеждена, что из школьной программы «Войну и мир» Льва Толстого, а также некоторые романы Федора Достоевского нужно убрать. Это глубокие философские произведения, с серьезными рассуждениями на разные темы».

Оказывается старшеклассников, которым по 16—18 лет, надо оградить от «серьезных рассуждений на разные темы». С подобными руководителями наша страна так и будет топтаться на месте в любой области, будь то экономика или культура.

К счастью, существует и другое мнение. Статья «Для чего нужно сегодня читать Достоевского?» (авторы — Людмила Сараскина и Оксана Головко) заканчивается так: «Без него жить нельзя — если ты хочешь прикоснуться к тайнам бытия, понять, что происходит с тобой и с миром. Человек, который прошел «школу» Достоевского, прошел сквозь его романы — абсолютно вооружен, он понимает про эту жизнь очень многое».

А если читать Достоевского надо в обязательном порядке, значит, и новый Федор Михайлович нам крайне необходим. Вот эту свободную «нишу» в современной русской литературе и способен занять (видимо, сам того не осознавая) Федор Ошевнев.

Его рассказ «Впервые на посту» наполнен «литературным дыханием» и отличается глубоким психологизмом. Казалось бы, сюжет рассказа очень «скромен»: нет там завязки, действия, кульминации и развязки. Но читается с большим интересом.

Такое повествование литературоведы называют «точечная композиция». «Действие» протекает внутри героя и кульминации «следуют» одна за другой в его душе.

Ну чем может быть интересен рассказ, в котором часовой ходит туда-сюда по одной и той же дорожке? Однако, несмотря на кажущуюся простоту, этот тип композиции чрезвычайно сложен: от автора требуется сложить целую мозаику из мельчайших деталей подробностей, чтобы получить в итоге живую картину выбранного события. Другими словами, это момент жизни, рассмотренный через увеличительное стекло.

Автор умудрился найти большое в малом. Показал читателю, что для драматизма не нужна масштабность, что даже короткий эпизод может нести в себе огромный потенциал. Одна из функций художественной литературы, как известно, познавательная. И в данном рассказе эта функция представлена вполне добротно. Читатель, не побывавший в шкуре солдата-срочника, может приоткрыть для себя одну из страниц солдатского бытия. Оправданное неторопливое повествование, в котором сопряжены «мелочные» события и, как отголосок этого, изменения в психологическом состоянии молодого человека, впервые в жизни оказавшегося в роли часового, выполнено автором блестяще.

Иногда малую прозу Федора Ошевнева называют «жестоким реализмом». Полагаю, что эпитет «жестокий» здесь не совсем уместен, так как это слово имеет значение «не чувствующий жалости к другим людям». Герои рассказов, да, нередко жестоки. Но автор, показывая жестокость своих героев и выворачивая «наизнанку» низменность их душ, активно сострадает «маленькому человеку» из галереи «униженных и оскорбленных» в нашей сегодняшней жизни. При оценке малой прозы этого автора надо подобрать какой-то другой термин.

Есть у Ф. Ошевнева рассказы, которые, наверняка, произведут на читателей неоднозначное впечатление. Например, «Самосуд». Рассказ тяжелый, в каком-то смысле пессимистический, однако мастерски написанный и очень актуальный.

В этом повествовании до предела обнажены «болевые точки» нашего бытия. Фактически это — картина (хоть и малого формата) России после реставрации капитализма. Большие деньги решают все, или почти все. Противно и гадко это осознавать, но это так. Есть в рассказе и крошечный элемент воспитания. Прочитают прототипы всех этих гадов и гаденышей рассказ «Самосуд», и, может быть, кто-то из них задумается и в нужный момент инстинкт самосохранения у него сработает.

Кроме упомянутых рассказов заинтересованный читатель легко найдет в Интернете и множество других произведений Федора Ошевнева.

Я умышленно подробно не анализирую его тексты, не акцентирую внимания на художественно-изобразительных средствах языка. У меня другая задача: привлечь к малой прозе этого автора внимание читателей, литературных критиков и литературоведов. Многие рассказы Ф. Ошевнева стоят того, чтобы их читали, перечитывали, изучали в школе и на филологических факультетах; чтобы они стали объектом исследования специалистов.

Справедливости ради надо сказать, что иногда Федор Ошевнев, на мой взгляд, неоправданно увлекается очерковым стилем, и это обстоятельство несколько снижает художественную ценность его малой прозы. Вместе с тем, часто этот недостаток совсем не бросается в глаза: его «маскируют» яркие образы, глубокий психологизм и стремительный разворот событий.

Помню, когда мне было 18—20 лет и я мечтал стать писателем, издавались книжечки карманного формата серии «писатели о творчестве». В поисках этих брошюр я бегал по библиотекам, читальным залам и книжным магазинам. Разыскал около двух десятков таких книжек разных авторов и, стремясь овладеть писательским мастерством, вчитывался в наставления мэтров литературы. Некоторые из них категорически не рекомендовали тем, кто собирался стать писателем, идти в журналистику, чтобы не попасть в «капкан» очеркового стиля.

Федор Ошевнев, проработав военным корреспондентом полтора десятка лет, до конца не выбрался из этого «капкана». Но с учетом его упорства в изучении русского языка, беззаветной любви к русской литературе и немалого писательского опыта, нет сомнения в том, что он это сделает. И не зря же в свое время он окончил еще и Литературный институт им. А. М. Горького.

Федор Ошевнев продолжает активно совершенствовать свое писательское мастерство. В предисловии к его сборнику рассказов «У каждого — свое» Н. Атланова справедливо отмечает: «В последнее время Ошевнев все чаще стал выходить за рамки привычных тем, и его творчество приобрело недостававшее ему прежде разнообразие, широту охвата жизненных явлений; произошло расширение творческого пространства, что востребовало новые краски, способы и средства выражения».

Будем ждать от Федора Михайловича Ошевнева новых талантливых произведений. Уже нет сомнений в том, что он не подведет своего полного тезку — Федора Михайловича Достоевского.